

ИСТОРИКЪ-ХУДОЖНИКЪ.

(Памяти Куно-Фишера ¹⁾).

Есть имена, которые, еще при жизни ихъ носителей, какъ-бы окружены ореоломъ безсмертія. Тѣ, которые знаютъ такихъ

¹⁾ Куно Фишеръ, сынъ Силезскаго пастора, родился 11 іюля 1824 г., умеръ въ ночь съ 21 на 22 іюня текущаго,—1907 г. Обучался въ университетахъ Лейпцига и Галле, съ 1844 по 1847 г. Въ 1847 г. защитилъ докторскую диссертацию (о Платоновомъ *Парменидѣ*) и, послѣ трехлѣтней подготовки къ профессурѣ, вступилъ, въ званіи приват-доцента, въ Гейдельбергскій университетъ, гдѣ читалъ Логикъ, Метафизику и Исторію новой философіи.—Важнѣйшія данныя для его біографіи, начиная съ этого времени, мы находимъ въ предисловіяхъ къ различнымъ томамъ его „Исторіи новой философіи“. Такъ, въ предисловіи къ первому тому (по первому изданію), помѣченномъ 1-мъ декабря 1853 г. (*Гейдельбергъ*), мы, между прочимъ, читаемъ: „Первый отдѣлъ этого сочиненія вышелъ въ свѣтъ въ іюнѣ прошлаго (1852) года. Въ ноябрѣ этотъ отрывокъ послужилъ къ тайному доносу, который частнымъ образомъ былъ поданъ однимъ изъ здѣшнихъ университетскихъ пасторовъ, былъ принятъ мѣстною консисторіею, и доведенъ до свѣдѣнія тогдашняго министерства внутреннихъ дѣлъ. Духовное мѣсто въ своемъ донесеніи желало, чтобы или вовсе были запрещены мнѣ лекціи, или бы запрещено было ихъ слушать студентамъ богословія. Въ чемъ состояли обвиненія противъ меня, я не знаю; обвинительное донесеніе осталось тайнымъ, и отъ меня самого, ни частно, ни публично не требовали никакаго объясненія относительно какого-либо пункта моего ученія.. Къ осени акты этого дѣла были представлены министерству для рѣшенія; рѣшенія сдѣлано не было и дѣло, какъ кажется, потеряло свой ходъ. Но новое министерство возымѣло другое намѣреніе и съ перваго іюля сего (1853) года у меня было отнято *venia legendi*, какъ „соизволеніе, которое можетъ быть взято назадъ“. Я воздержался отъ всякаго дѣйствія въ свою защиту, потому-что ясно видѣлъ, что здѣсь исполняется не приговоръ, а мѣра, основаніе которой заключается не въ моихъ ученіяхъ и не въ пре-

избранниковъ лишь по этимъ ихъ именамъ, дѣламъ и творениямъ, символомъ которыхъ имена служатъ, но не знаютъ

вратномъ ихъ пониманіи, а можетъ быть въ комбинаціи внѣшнихъ обстоятельствъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто“. Въ предисловіи ко второму тому „Исторіи“, помѣченномъ маемъ 1855 г. (*Гейдельбергъ*), нѣтъ ничего автобіографическаго. Но въ предисловіи къ третьему тому, помѣченномъ маемъ 1860 г. (*Лена*), Куно Фишеръ снова возвращается къ своей личной судьбѣ и, между прочимъ, пишетъ: „Прохожденіе моего академическаго поприща въ Гейдельбергѣ было въ 1853 году, по истеченіи перваго его трехлѣтія, прервано необыкновеннымъ образомъ. Въ уединенномъ и полномъ труда досугѣ слѣдующаго трехлѣтія я написалъ и издалъ мои работы о Спинозѣ, о Лейбницѣ и вѣкъ нѣмецкаго просвѣщенія, о Бэконѣ и вѣкъ реальной философіи, не упоминая здѣсь о вынужденныхъ у меня полемическихъ статьяхъ. Относительно Канта предварительныя работы были окончены, окончательное выполненіе было начато, первая книга была уже большею частью написана, когда неожиданно открылись для меня виды на новое поприще, и открылись съ двухъ сторонъ. Къ концу 1855 года я просился въ Берлинскій университетъ, но противъ этого явились неожиданныя и даже удивительныя по тогдашнему положенію дѣль препятствія, которыя помѣшали мнѣ занять эту кафедру. Эти препятствующія обстоятельства, повидимому, были устранены, какъ я получилъ приглашеніе въ Лену, осенью 1856 года. Я тотчасъ послѣдовалъ этому приглашенію и осенью же этого года началъ свои лекціи въ здѣшнемъ университетѣ,—на этой родной почвѣ нѣмецкой философіи, великія преданія которой никогда не переставали здѣсь жить и имѣть силу. Первая моя лекція въ Ленѣ касалась „Критики чистаго разума“. Въ продолженіе первыхъ двухъ семестровъ я читалъ въ непрерывной связи о всѣхъ частяхъ критической философіи. То, на чемъ я остановился въ Гейдельбергѣ, мое только что начатое сочиненіе о Кантѣ, я продолжалъ на кафедрѣ; сначала перо нужно было отложить въ сторону, потому что первые годы я хотѣлъ жить исключительно для моего академическаго преподаванія, укрѣпить свое здѣшнее поприще дѣятельности и обжиться въ немъ. Надѣюсь, что эта новая пауза была такъ же благотворна для настоящаго сочиненія, какъ для меня была благотворна новая работа преподаванія. Надѣюсь, что не разъ читанныя лекціи о Кантѣ, по мѣрѣ силъ, способствовали внутренней зрѣлости моей работы. По крайней мѣрѣ власть надъ матеріаломъ, ясность изложенія ничѣмъ такъ хорошо не приобретаются и не испытываются, какъ учебнымъ преподаваніемъ“. Наконецъ, въ предисловіи къ первому изданію тома о Шеллингѣ, помѣченномъ 1872 годомъ, сентябрь (*Лена*), Куно Фишеръ, въ заключительныхъ строкахъ, пишетъ: „Съ волненіемъ заканчиваю я эту книгу свою дѣятельность въ Ленѣ и съ благодарностью оглядываюсь на шестнадцать лѣтъ академической дѣятельности въ этомъ университетѣ, который сильнѣе всего содѣйствовалъ развитію нѣмецкой философіи послѣ

ихъ самихъ, непосредственно и лично или, по крайней мѣрѣ, хотя и чрезъ другихъ, но близко, въ реальныхъ условіяхъ ихъ дѣятельности и жизни,—тѣ часто совсѣмъ не задаются даже и вопросомъ о томъ, живы-ли еще обладатели этихъ именъ, или уже отошли въ вѣчность. Не спрашиваютъ объ этомъ потому, что для нихъ они уже давно живутъ какъ бы *въ вѣчности*. И только, когда знаменитый человѣкъ, вкусившій этого прижизненнаго безсмертія, умираетъ,—только тогда, въ посмертныхъ воспоминаніяхъ и окружающемъ свѣжую могилу говорѣ, какъ бы изъ неопредѣленной дымки вѣчнаго, непреходящаго, выразителемъ чего онъ былъ, мало по малу выступаетъ его конкретный образъ, со всѣми его характерными чертами.

Удивительно, но это такъ!

Жизнь и смерть относительно такихъ людей какъ бы мѣняются своими ролями: отданная на служеніе одной великой идеѣ, одному великому дѣлу, уединенная, сосредоточенная и замкнутая, жизнь какъ бы изъеялетъ ихъ изъ среды живыхъ, отодвигая въ далекую перспективу; наоборотъ, смерть снова приближаетъ къ намъ ихъ образъ не только въ существенныхъ идейныхъ чертахъ, но и въ характерно-индивидуальныхъ, какъ бы снова облекая плотью и кровью, характерными живыми чертами и красками. Земное и случайное, пространственное и временное какъ бы гаснетъ въ лучахъ прижизненнаго безсмертія. Но послѣ смерти знаменитаго человѣка все это—это какъ бы его духовное тѣло—воскресаетъ снова, не только дополняя, детальными индивидуальными чертами, общій конкретный образъ, но во многомъ

Канта, видѣлъ начало всѣхъ эпохъ дальнѣйшаго его развитія и созрѣванія всѣхъ плодовъ, собираемыхъ нами теперь". — Лѣтомъ 1873 г. Куно Фишеръ прочиталъ въ Гейдельбергѣ свою первую лекцію, въ званіи профессора, а лѣтомъ 1903 г.—послѣднюю: въ этомъ году онъ, по слабости силы, принужденъ былъ выйти въ отставку и тихо угасалъ, пока смерть не прервала его одинокаго существованія...

При составленіи нашей настоящей характеристики Куно Фишера, кромѣ его собственныхъ сочиненій, мы пользовались, главнымъ образомъ, двумя, посвященными его памяти, брошюрами: 1) *Windelband's*, Kuno Fischer, Gedächtnissrede bei der Trauerfeier der Universität in der Stadthalle zu Heidelberg am 23 Juli 1901 и -- 2) *Ernst Trautmann*, Kuno Fischer, ein Nachruf (Heidelberg 1907).

служба ключемъ для пониманія и истолкованія всего дѣла жизни „отшедшаго въ вѣчность“.

Таковъ, въ сонмѣ великихъ, былъ и Куно Фишеръ и именно таково его, такъ сказать, перспективное отношеніе къ современникамъ или, точнѣе,—ихъ къ нему. Мыслящее сознаніе всѣхъ культурныхъ народовъ уже давно поставило его въ пантеонъ безсмертныхъ и въ перспективу вѣчности, при чемъ вопросъ объ его эмпирическомъ существованіи какъ то самъ собою отступалъ на самый дальній фонъ. Но вотъ онъ умеръ и—извѣстіе объ этой смерти снова приковало взоры образованнаго міра къ маленькому Гейдельбергу, которому великій историкъ мысли отдалъ тридцать наиболѣе зрѣлыхъ, послѣднихъ лѣтъ своей продолжительной, свыше восьмидесятилѣтней, жизни, и который какъ то совсѣмъ не представимъ безъ знаменитаго Куно Фишера, собиравшаго въ свою аудиторію слушателей со всѣхъ концовъ міра.

Друзья философіи въ Россіи имѣютъ, во всякомъ случаѣ, не меньше побужденій, чѣмъ кто-бы то ни было, остановиться, въ чувствѣ признательности къ великому историку европейской мысли, у его свѣжей могилы. Въ самомъ дѣлѣ, прошло почти полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ появилась на русскомъ языкѣ, въ мастерскомъ переводѣ Н. Н. Страхова, его четырехъ-томная *Исторія новой философіи* (первый томъ вышелъ въ 1862 г.), и во все послѣдующее время, вплоть до настоящаго, „исторія новой философіи“ и Куно Фишеръ у насъ были почти синонимами. Одно время, когда трудъ Куно Фишера, въ собственномъ смыслѣ классическій, сдѣлавшись библиографическою рѣдкостью, былъ оттѣсненъ другими, меньшаго объема и несравненно низшаго качества,—имя его, правда, какъ будто перестало быть столь же популярнымъ, какъ въ первыя десятилѣтія по выходѣ его неподобныхъ „лекцій“. Но теперь, съ появленіемъ новаго, полнаго перевода того-же труда, въ переработанномъ видѣ, интересъ къ нему снова достигъ прежнихъ размѣровъ. И это какъ разъ къ тому именно моменту, когда безъ всякой метафоры можно сказать, что закатилось „великое свѣтило“ философской науки...

Остановимся же и мы у этой могилы, что бы возможно глубже запечатлѣть, по крайней мѣрѣ, хоть нѣкоторыя че-

рты его богатой творческими импульсами личности, отраженные и на его бессмертномъ твореніи.

II.

Всѣ согласно отмѣчаютъ въ Куно Фишерѣ, какъ самую характерную черту, какъ его *specificum*, какъ паеось его научнаго творчества, глубокую и чрезвычайно тонко выработанную художническую основу его личности. Это былъ *мыслитель-художникъ*, въ собственномъ смыслѣ слова, — человекъ, для котораго истина была нераздѣльна отъ красоты, который органически зарождавшуюся въ его сознаниіи мысль вынашивалъ до той поры, когда она становилась способною облечься въ пластически прекрасный образъ и который, наоборотъ, въ прекрасномъ всегда черпалъ импульсы для своей творческо-философской мысли, такъ что о немъ вполне можно сказать словами Шиллера въ *Художникахъ*:

Всѣ тѣ сокровища, что собрали умъ прозрѣвшій,

Изъ вашихъ только рукъ—изъ рукъ Музъ—пойметъ мыслитель самъ,

Когда тѣ знанія до красоты созрѣвши,

Какъ перль созданія блеснуть его очамъ...

Вотъ именно! Именно это характерно для Куно Фишера! Быть можетъ, самое характерное для него!

Онъ вынашивалъ, уяснялъ и организовалъ свои обширныя познанія до той поры, когда, созрѣвъ до красоты, они, дѣйствительно, становились,—прежде всего предъ его собственными глазами,—какъ перль созданія, и лишь послѣ этого онъ считалъ себя въ правѣ и способнымъ передавать ихъ другимъ, съ кафедръ или въ печати, и обыкновенно сначала съ кафедръ, а потомъ въ печати, потому что,—и это также чрезвычайно характерно для него, — онъ считалъ лишь то достойнымъ печати, что выдерживало пробу кафедръ, причемъ отъ этого правила отступалъ лишь въ случаяхъ необходимости, когда нужно было печатать то, чему не могло быть мѣста на кафедрѣ.

Только что указанная нами черта, то-есть художническій инстинктъ и вмѣстѣ predisposиція ума Куно Фишера, какъ его гений-руководитель, какъ Сократовскій демоніонъ, видѣнъ въ жизни его на всемъ и повсюду.

Въ дни юности, въ годы студенчества, онъ сосредоточи-

васть свое вниманіе на изученіи философа-поэта Платона и конгеніальныхъ ему мыслителей новаго времени, особенно Шеллинга, который, въ свою очередь, уже ведетъ его къ Гегелю. Платону (именно *Пармениду*) посвящена докторская диссертация Куно Фишера. Рядомъ съ этимъ изученіемъ мыслителей, шло изученіе величайшихъ міровыхъ поэтовъ: Гомера, Шекспира, Шиллера, Гёте. Все это, въ совокупности, кладетъ очень яркую печать на психику Куно Фишера, о чемъ можно судить уже по его первому, почти юношескому (въ 1849 г.) философскому опыту, изложенному въ формѣ писемъ и надписанному именемъ *Диотимы*, мантинейской жрицы, будто бы (если вѣрить *Симпозиону* Платона) сообщившей Сократу наставленія о существѣ философскаго эроса. Въ своей *Диотимѣ* Куно Фишеръ выставляетъ, разъясняетъ и обосновываетъ,—въ платоновско-шеллингианско-гегелевскомъ смыслѣ,—то положеніе, что красота есть верховный міровой принципъ. Въ этой юношеской работѣ Куно Фишера, ярко отразившей художническое пониманіе міроваго процесса, а въ частности и человѣческой исторіи и, еще частнѣе, исторіи мысли, какъ фрагмента или части міроваго процесса,—въ этой работѣ уже опредѣленно намѣченъ путь, по которому пойдетъ будущій историкъ философіи и съ котораго онъ никогда не сойдетъ.

Эстетическій принципъ не только былъ геніемъ-вдохновителемъ Куно Фишера въ его умственной работѣ, но, какъ основная стихія его нравственно-практическаго характера, ярко проявлялся и во всей вообще его жизни. Опять-таки, по единодушному свидѣтельству людей, знавшихъ Куно Фишера, это былъ человѣкъ мѣры и такта, порядка и уравновѣженности, благородства и достоинства. Если дѣйствительно красота есть міровой принципъ, то пусть онъ, исповѣдникъ этого философскаго вѣрованія, самъ въ своей жизни будетъ однимъ изъ живыхъ доказательствъ этого тезиса: какъ бы такъ говорилъ онъ всею своею жизнью. И это вѣрованіе въ спасающую силу красоты было для него до того интимнымъ, до того воплотилось въ его психику, до того властно было надъ его душою, что, дѣйствительно, „спасало“ его въ самыя тяжелыя минуты его жизни.

Вотъ маленькая иллюстрація къ этому, которую мы находимъ въ одномъ изъ посмертныхъ воспоминаній о Куно

Фишеръ ¹⁾. Осенью 1903 года Куно Фишера постигъ тяжелый нравственный ударъ, послѣ котораго онъ уже не оправился: скончалась его супруга, нравственная поддержка которой была для ученаго необходима буквально, какъ воздухъ. Старець былъ, воистину, неутѣшенъ и, хотя крѣпкій отъ природы, теперь—въ инныя минуты—онъ напоминалъ буквально безпомощнаго ребенка. Въ одну изъ такихъ минутъ приходитъ къ нему его другъ, авторъ цитируемыхъ воспоминаній, и чтобы отвлечь удрученнаго печалью челоуѣка отъ его неотвязчивыхъ думъ, заговариваетъ съ нимъ о *Фаустѣ*, надъ которымъ Куно Фишеръ въ послѣднее время своей жизни упорно работалъ. Со словъ Фридриха Фишера, гость высказалъ нѣкоторыя критическія замѣчанія относительно сомнительныхъ достоинствъ второй части *Фауста*. Историкъ слушалъ молча и сосредоточенно, затѣмъ долго смотрѣлъ въ даль и, наконецъ, необычайно глубоко и трогательно замѣтилъ:

— И все таки, даже и здѣсь, во второй части *Фауста*, есть несравненныя мѣста. Припомните, наприм., это:

Дивный тронъ

Я вижу, ясно вижу: онъ
Вдали чудесно мнѣ сверкаетъ
Какъ драгоценная звѣзда.
Родное и въ толпѣ сіяетъ.
Тронъ блещетъ уходя туда,
Звѣздою близкою, родною,
На вѣки истинной, святою...

Это отрывокъ изъ плача морского бога, Неря, въ знаменитой Вальпургіевой ночи, по исчезнувшей Галатѣ... Какъ характерно, въ самомъ дѣлѣ, это сопоставленіе! Даже и на свою собственную личную жизнь нашъ мыслитель-художникъ смотрѣлъ откуда-то какъ бы со стороны и притомъ именно чрезъ поэтическую призму прекраснаго. И оттого-то именно его жизнь, даже и въ минуты нравственныхъ потрясеній, стоитъ предъ нами какъ бы въ нѣкоторомъ духовномъ преображеніи,—просвѣтленная и примиренная.

И, безъ сомнѣнія, это не могло не отражаться, самымъ прямымъ и непосредственнымъ образомъ, на умственномъ трудѣ знаменитаго историка мысли: ибо, вѣдь, и въ области

1) Trautmann, *op. cit.*, S. 13.

научно-философскаго творчества, какъ и въ области творчества чисто художественнаго, душевное равновѣсiе, дѣлающее человѣка способнымъ сполна уходить въ настроенiе объективно-созерцательное, есть не только очень важный факторъ, но прямо *conditio sine qua non* успѣха и плодотворности работы.

Здѣсь—ключъ и для пониманiя успѣха Куно Фишера, создавшаго ему такую широкую извѣстность.

III.

Чувство красоты, мѣры, эстетической законченности, столь характерное для Куно Фишера въ частной жизни, во всей полнотѣ сказывалось, прежде всего, на кафедрѣ. Каждая лекцiя была для него событiемъ, которое онъ переживалъ заново, почему до глубокой старости онъ готовился къ лекцiямъ со всею тщательностiю. Каждый семестръ, по его собственному сравненiю, былъ для него своего рода военнымъ планомъ, который онъ тщательно обдумывалъ. Говорилъ онъ превосходно и, по всей справедливости, долженъ быть отнесенъ къ числу лучшихъ ораторовъ, имена которыхъ когда-либо, на всемъ протяженiи исторiи, были извѣстны. Его обыкновенно относятъ къ типу профессоровъ-ораторовъ, *professeurs orateurs*, въ родѣ Кузена, Трейчке, Гайма и др. И онъ, дѣйствительно, былъ такимъ ораторомъ,—ораторомъ глубоко-мысленнымъ, ученымъ, и потому чрезвычайно убѣдительнымъ.

Если принять все это въ соображенiе, то легко понять, почему, по единогласнымъ отзывамъ, Куно Фишеръ производилъ такое неотразимое, прямо таки чарующее впечатлѣнiе на слушателей.

Замѣчательно, что, по свидѣтельству Виндельбанда ¹⁾, Куно Фишеръ чувствовалъ нерасположенiе къ такъ называемымъ практическимъ упражненiямъ (съ „семинарiяхъ“), которыя, въ послѣднiя десятилѣтiя, все болѣе и болѣе входятъ въ обычай въ Германскихъ университетахъ. Онъ держался того взгляда, что для профессора достаточно, если изъ его лекцiй хоть нѣкоторыя сѣмена падутъ на воспримчивую почву, сообразно индивидуальности воспринимающихъ, и дадутъ плодъ, возбуждать стремленiе къ самостоятельной работѣ на

1) Windelband, *op. cit.* S. 14—15.

поприщѣ науки, въ отношеніи же къ большинству, къ массѣ слушателей достаточно, если они проникнутся, подѣ влияніемъ лекцій, общимъ духомъ научности, уваженія и удивленія предѣ тѣми великими предметами, о которыхъ профессоръ говоритъ. Человѣкъ, способный достигать съ каеедры такихъ результатовъ, по мнѣнію Куно Фишера, можетъ спокойно предоставить различныя „практическія“ коллегіи учащимъ величинамъ втораго порядка, которыя здѣсь, да притомъ, быть можетъ, именно только здѣсь, будутъ какъ разъ на мѣстѣ.

И, безъ сомнѣнія, Куно Фишеръ, вполнѣ по праву могъ уволить себя отъ этой, такъ сказать, черновой, собственно учебной работы въ аудиторіи, потому что онъ владѣлъ несравненно болѣе могущественными средствами влияния на нее. Онъ не былъ, въ самомъ дѣлѣ, преподавателемъ „школьной философіи“, по терминологіи Канта, но былъ именно глашатаемъ „міровой мудрости“ и „учителемъ идеала“. Ему былъ данъ отъ природы дивный даръ находить и открывать въ непосредственномъ самосознаніи слушателей родники живой воды и именно благодаря этому, онъ, дѣйствительно, „какъ своенравный чародѣй“, глубоко потрясалъ и взволновывалъ все ихъ существо.

Объ этомъ согласно свидѣтельствуютъ всѣ, кто его слышалъ. Но объ этомъ можетъ, по крайней мѣрѣ приблизительно, судить и тотъ, кто его только читалъ.

Припомните, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы его вводныя лекціи въ *Исторію новой философіи* и особенно, наприимѣръ, это мѣсто ¹⁾, гдѣ онъ проводитъ параллель между отношеніемъ міровой мудрости къ міровой исторіи, съ одной стороны, и отношеніемъ нашего самопознанія къ нашей жизни, съ другой.

„Въ чемъ состоитъ“,—спрашиваетъ онъ здѣсь,—„актъ самопознанія?“—и отвѣчаетъ: „Мы покидаемъ внѣшній міръ, который занималъ насъ и обращаемся къ себѣ самимъ. Мы дѣлаемъ собственную нашу жизнь предметною и, становясь для ея разсмотрѣнія противъ нея, мы сами для себя дѣлаемся явленіемъ: мы уже не совпадаемъ съ нашимъ прежнимъ существованіемъ, но носимся надъ нимъ, какъ взоръ художника надъ развитымъ произведеніемъ.“

¹⁾ Томъ I (по первому изд.), стр. 24—26.

„Взоръ художника, погруженнаго въ непосредственную работу надъ произведеніемъ, совсѣмъ не то, что взоръ испытующаго художника, который, отложивъ орудія, отступаетъ отъ своей работы и обозрѣваетъ цѣлое съ удобной точки зрѣнія. Собственное произведеніе онъ разсматриваетъ, какъ чужое; издали оно становится для него познаваемымъ и обозрѣваемымъ предметомъ. Теперь онъ вдругъ открываетъ недостатки, которыхъ до тѣхъ поръ не замѣчалъ: тамъ оказывается дисгармонія частей, здѣсь часть переросла соразмѣрность цѣлага. При удобномъ освѣщеніи, которое онъ выбралъ, онъ видитъ теперь, какъ одно согласуется съ другимъ и ясно замѣчаетъ нестройность, нарушающую гармонию частей.

„Что-же дѣлаетъ художникъ? Откажется ли отъ произведенія, такъ-какъ оно еще не кончено и онъ находитъ много неудачнымъ? Или же, скорѣе, снова возьмется за орудіе и, согласно съ вѣрною идеею, родившеюся въ минуту испытанія, начнетъ теперь работать правильнѣе и лучше? Оставимъ теперь образъ. Художникъ—это мы, художественное произведеніе—означаетъ нашу жизнь, испытующій взглядъ художника, устремленный на его произведеніе, есть самопознаніе, прерывающее собою жизнь.

„Мы отступаемъ отъ существованія, которымъ мы жили до сихъ поръ, какъ художникъ отъ своего произведенія... Какъ художникъ, обозрѣвши и разобравши свое произведеніе, продолжаетъ его же, но только лучшимъ образомъ, такъ и мы возвращаемся изъ акта самопознанія въ жизнь съ тѣмъ, чтобы вести ее съ новою бодростью и къ лучшему идеалу.

„Эти дѣйствія самопознанія въ нашей жизни суть тоже, что монологи въ драмѣ. Съ разнообразнаго поприща внѣшняго міра дѣйствіе уходитъ въ человѣческую душу и здѣсь невидимо разрѣшаетъ и связываетъ узлы. Вы можете подтвердить собственнымъ вашимъ примѣромъ то, что я изложилъ здѣсь вообще; потому что всѣ вы, конечно, прошли черезъ нѣкоторую эпоху жизни, черезъ такой сознательный кризисъ развитія. Послѣ безпечнаго наслажденія дѣтства и игръ отрочества, юношескій возрастъ своею подвижною фантазіею и своимъ нетерпѣливымъ стремленіемъ обыкновенно одухотворяетъ жизнь до той степени, на которой она разви.

ваетъ мысль и въ первый разъ стремится проясниться въ строгомъ самопознаніи. Вы разомъ отчуждаетесь отъ прежней жизни; вы разсматриваете и судите ваше прошедшее, и мысль, которую вы составляете о самихъ себѣ, непосредственно становится планомъ для будущаго. Здѣсь вы видите самопознаніе въ тѣхъ трехъ моментахъ, которые мы показали: въ его происхожденіи, содержаніи и дѣйствіи.

„Отъ единичной жизни возвратимся къ общей и опредѣлимъ теперь отношеніе міровой исторіи къ міровой мудрости. Міровая мудрость есть самопознаніе исторіи, т. е. чело-вѣческаго духа, развивающагося въ исторіи. Поэтому мы должны придавать философіи то же значеніе въ исторіи, какое имѣетъ самопознаніе въ жизни. Она есть рѣшительная точка поворота, въ которой оканчивается одно время и возникаетъ новое, она опредѣляетъ міровой возрастъ исторіи и, такимъ образомъ, она не только сопровождаетъ перемѣны историческаго существованія, но руководитъ ими и сама составляетъ высшую двигательницу историческаго развитія“...

Приведенная страница, которой въ семитомной *Исторіи новой философіи* Куно Фишера можно было бы найти много аналогичныхъ, служить хорошимъ примѣромъ приѣмовъ историка.

Разложить каждый сложный вопросъ на рядъ мелкихъ, чтобы, такимъ образомъ, привести міровую философскую проблему къ вопросамъ индивидуально-личной жизни своихъ слушателей, постоянно при этомъ взывая къ ихъ непосредственному сознанію и на немъ прежде всего базируя: вотъ что было особенно характерно для Куно Фишера!

И, кажется, именно этимъ, главнымъ образомъ,—конечно, послѣ таланта и историко-философской эрудиціи,—опредѣлялась тайна его вліянія на свою громадную аудиторію.

Есть, въ самомъ дѣлѣ въ этихъ приѣмахъ, нѣчто Сократовское, наводящее и приводящее слушателей къ живому и непосредственному сознанію раскрываемыхъ истинъ,—какъ бы возрожденіе, въ современныхъ условіяхъ философскаго обученія, знаменитаго Сократовскаго „повивальнаго искусства“, только лишь обставленнаго, соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ обученія и личнымъ научно-художническимъ ресурсамъ учителя, болѣе изящно и тонко.

IV.

Но, можетъ быть, именно это *художническое* отношеніе Куно Фишера къ своей наукѣ и есть слабая сторона его много-томной *Истории новой философіи*?

Нерѣдко приходится слышать это возраженіе. Говорятъ, что Куно Фишеръ былъ слишкомъ художникъ для того, чтобы быть объективнымъ историкомъ мысли.

Однако, съ этимъ, хотя и широко распространеннымъ, мнѣніемъ позволительно не согласиться, по крайней мѣрѣ во всемъ его объемѣ.

Дѣло въ томъ, что есть художники и—художники.

Гоголь въ своемъ бессмертномъ *Портретѣ*, между прочимъ, такъ передаетъ впечатлѣніе, сдѣланное на Чарткова картиной дотошъ безвѣстнаго, но много работавшаго надъ собою, подъ руководствомъ лучшихъ мастеровъ, художника, для оцѣнки которой онъ былъ призванъ, въ качествѣ одного изъ экспертовъ:

„Съ чувствомъ невольнаго изумленія созерцали знатоки новую, невиданную кисть. Все тутъ, казалось, соединилось вмѣстѣ. Но властительнѣй всего видна была сила созданія, уже заключенная въ душѣ самого художника. Послѣдній предметъ въ картинѣ былъ имъ проникнутъ; во всемъ постигнуть законъ и внутренняя сила; вездѣ уловлена была эта плывущая округлость линій, заключенная въ природѣ, которую видитъ только одинъ глазъ художника-создателя и которая выходитъ углами у кописта. *Видно было, какъ все, извлеченное изъ внѣшняго міра, художникъ заключилъ себѣ въ душу и уже оттуда, изъ душевнаго родника, устремилъ его одной согласной, торжественной пѣснью.* И стало ясно, даже непосвященнымъ, какая неизмѣримая пропасть существуетъ между созданіемъ и простой копіей съ природы“.

Вотъ оно истинное искусство, отличающее ремесленническую копію онъ дѣйствительно художественнаго созданія!

И въ области историко-философской науки вполне возможно такое же отношеніе къ предмету. И здѣсь можно и просто копировать и творчески создавать.

Одни превращаютъ исторію въ механическую мозаику, слѣпленную изъ разрозненныхъ и часто внутренне разнородныхъ фрагментовъ, извлеченныхъ изъ „памятниковъ“... И этимъ,

Правда, достигается точность, но — лишь точность копій. Другіе, напротивъ, говоря словами Гоголя, предварительно заключаютъ извлеченныя изъ памятниковъ данныя въ своей душѣ, чтобы отсюда, изъ своего „душевнаго родника“ устремить ихъ—съ кафедры или чрезъ книгу—„одною согласною пѣснью“.

Конечно тутъ есть нѣкоторый художественный „примысль“, потому что вѣдь вообще искусство призвано не только возсоздавать, но и до-создавать дѣйствительность. Однако, этотъ „примысль“, это досоздаваніе предмета у настоящаго художника отнюдь не есть его личный произволь, но вытекаетъ изъ самой сущности изучаемаго предмета, въ данномъ случаѣ философской системы, есть довершеніе замысла самого ея создателя. Здѣсь философско-художническая композиція поконится на предварительной декомпозиціи, синтезъ на анализѣ, обобщеніе на тщательномъ предварительномъ изученіи деталей. Здѣсь творчество художника идетъ рука объ руку съ методичностью мыслителя.

Куно Фишеръ былъ именно художникъ-мыслитель и въ этомъ рѣдкомъ сочетаніи, въ его обработкѣ и изложеніи исторіи философіи, приемовъ художническихъ со строго научными заключается наилучшій отвѣтъ тѣмъ, которые готовы обвинять его въ недостаткѣ исторической объективности.

Какъ есть художники и артисты, такъ есть историки и—историки.

Есть историки-хронисты, которые, по превосходному разъясненію самого же Куно Фишера, осуждены на вѣчное колебаніе между безразличнымъ, въ отношеніи къ истинѣ, эклектизмомъ и еще болѣе равнодушнымъ къ ней скептицизмомъ. Есть историки прагматисты, которые напоминаютъ художниковъ-копіистовъ. Есть, наконецъ, историки-художники, въ высшемъ смыслѣ слова, которые ставятъ предъ нашимъ сознаніемъ не только живые образы уже давно умершихъ философовъ но и полные неумирающей жизненности типы мысли, потому что въ единичномъ провидятъ и даютъ провидѣть другимъ вѣчныя творческія стихіи и начала мысли.

V.

Подобно тому, какъ одно изъ привлекательнѣйшихъ свойствъ „Исторіи новой философіи“ Куно Фишера, ея худо-

жественность, служить источникомъ для возраженій противъ ея объективности,—такъ точно и другое, не менѣе обяательное ея ствойство, полная подчиненность въ ней всѣхъ деталей изложенія единой, надъ всѣмъ господствующей идеѣ, именно идеѣ развитія, въ смыслѣ Гегеля, также нерѣдко служить поводомъ къ возраженію противъ ея объективности.

Однако, и въ этомъ возраженіи кроется нѣкоторое недо-разумѣніе.

Что Куно Фишеръ былъ ученикомъ и поклонникомъ Гегеля, идеями котораго и, въ частности, идеєю развитія вдохновлялся при созданіи своего труда,—это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Объ этомъ говорить не только та исключительная тщательность, съ какою онъ обработалъ два обширныхъ полутома, посвященныхъ знаменитому нѣмецкому философу, но также и прямое исповѣданіе Куно Фишеромъ своей философской вѣры, именно въ смыслѣ Гегельянскаго правовѣрія.

Во вводныхъ лекціяхъ къ курсу ¹⁾, говоря о моментахъ новой исторіи философіи,—догматизмъ, критицизмъ, философія тожества,—онъ отводитъ системѣ Гегеля совершенно исключительное мѣсто, именно разсматриваетъ ее, какъ завершеніе процесса и за нею, въ тусклой философской современности, уже не видитъ ничего значительнаго.

„Простѣйшимъ и кратчайшимъ образомъ періоды и эпохи новой философіи“,—пишетъ онъ здѣсь,—„выводятся изъ самаго понятія философіи.

„Они объясняются тотчасъ какъ скоро мы обратимъ вниманіе на жизненный вопросъ всякой философіи. Философія должна и стремится быть абсолютною, или истинною системою познанія. Если только вообще такое познаніе существуетъ, то философія обязана произвести его. Итакъ, въ чемъ состоитъ жизненный вопросъ всякаго философствованія? Очевидно, въ томъ, существуетъ ли абсолютная способность познанія, другими словами, — достигаетъ ли истины человѣческая познавательная способность? т. е. можемъ ли мы, мысля, переступить предѣлы объективнаго міра и познать его собственную сущность? Человѣческая познавательная способность абсолютна, какъ скоро мы проникаемъ.

¹⁾ Томъ I (по первому изд.), стр. 79—81.

въ природу вещей, если наша мыслящая сущность вмѣстѣ содержитъ и сущность вещей, или если субъектъ и объектъ, мышленіе и бытіе тождественны.

„Поэтому тожество бытія и мышленія справедливо было разсматриваемо, какъ жизненный вопросъ философіи, и новая философія обнаруживаетъ свою глубокую и особенную жизненность въ томъ, что ея эпохи опредѣляются этимъ вопросомъ.

„Вотъ почему философія тожества есть систематическое заключеніе новой философіи и, *признавая въ Гегель настоящаго ея образователя и довершителя, я вмѣстѣ съ тѣмъ считаю его систему заключительнымъ терминомъ новой философіи.*

„Что касается до философіи послѣ Гегеля, то я не могъ убѣдиться, что она уже нашла новый источникъ развитія. Подробное изученіе сочиненій, явившихся послѣ Гегеля, скорѣе убѣдило меня, что настоящая философская культура состоитъ въ строгомъ и логическомъ развитіи тѣхъ началъ, которыя исторія философіи консеквентно вызвала на свѣтъ... Я нахожу, что это развитіе уже счастливо начато, но я не могу убѣдиться, чтобы кто нибудь пошелъ дальше началъ, на которыя опирается послѣдняя система нѣмецкой философіи. Напротивъ, въ бѣльшей части философскихъ мнѣній нашего времени,—я не говорю системъ,—открыто хвалящихся тѣмъ, что они стали выше философіи тожества, я нахожу только паденіе и отчасти грубое паденіе въ до-кантовскій догматизмъ. Кто признаетъ въ кантовской системѣ законныя задачи, которыхъ нельзя обойти, тотъ, если будетъ послѣдователемъ, въ бѣльшей части нынѣшнихъ философскихъ сочиненій не найдетъ ничего, кромѣ незаконныхъ попытокъ возобновить прежній догматизмъ“...

Итакъ, въ „философіи тожества“ Куно Фишеръ слышитъ послѣднее слово новой философіи или, точнѣе, завершеніе всего вообще историко-философскаго процесса, а въ Гегель видить „довершителя“, какъ бы зодчаго, который увѣнчалъ это многовѣковое зданіе капителью. Здѣсь, въ философіи Гегеля, для него высшій пунктъ, какого достигла мысль человечества и, только остановившись на этомъ именно пунктѣ, можно, по Куно Фишеру, понять подлинный смыслъ процесса, какъ ряда моментовъ саморазвивающейся идеи.

Правда, въ послѣднемъ изданіи своего классическаго труда

историкъ высказывается, по этому вопросу, гораздо сдержаннѣе. Онъ говоритъ теперь лишь о *двухъ* моментахъ новой философіи, догматизмъ и критицизмъ, оставляя вопросъ о третьемъ моментѣ, философіи тождества, открытымъ, при изложеніи же философіи Гегеля, въ специально посвященномъ ему томѣ, говоритъ даже... о „гегельянскомъ схоластицизмѣ“, какъ кричащей аномалии... Но эти позднѣйшія ограниченія и поправки, конечно, не могли внести существеннаго измѣненія въ его общую конструкцію историко-философскаго процесса, выполненную,—повторяю, въ духѣ и смыслѣ именно философіи Гегеля,—въ продолженіе ряда не годовъ, но десятилѣтій. Да это и понятно! Вѣдь радикальная ломка плана и архитектоники цѣлаго, при такомъ условіи, была-бы, если и не совсѣмъ невозможна, то, во всякомъ случаѣ, крайне затруднительна!

И тѣмъ не менѣе, эта вѣрность Куно Фишера Гегелю, которымъ онъ не переставалъ вдохновляться до конца своей писательской дѣятельности, вовсе не основаніе, чтобы упрекать его, какъ это дѣлаютъ нерѣдко, въ недостаткѣ объективности, а тѣмъ болѣе въ тенденціозномъ, будто бы, втискиваніи конкретнаго процесса мысли въ отвлеченно-діалектическія схемы.

VI.

Дѣло въ томъ, что гегельянство *умѣрялось* въ Куно Фишерѣ его своеобразнымъ кантіанствомъ,—мысль о возможности абсолютнаго познанія, въ смыслѣ Гегеля, ученіемъ о его *относительности*, въ смыслѣ Канта.

И это не въ послѣдніе только годы. Нѣтъ. Уже въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ сочиненій,—въ курсѣ *Логики*,—Куно Фишеръ отмѣчаетъ этотъ кантіанскій противовѣсъ Гегелю, какъ необходимый членъ своего философскаго credo, сообразно съ этимъ квалифицируя и свою основную точку зрѣнія, какъ *критическую философію тождества* 1). Глубоко

1) Kuno Fischer, *Logik und Metaphysik oder Wissenschaftslehre, Lehrbuch für akademische Vorlesungen* (Stuttgart, 1852): „...In Hegel erblicke ich den Philosophen, der den Begriff der Identität im transcendentalen Geiste gefasst und systematisch ausgebildet hat. Deshalb und nur deshalb mache ich mit den Prinzipien dieses Philosophen gemeinschaftliche Sache, nachdem ich das gesammte System unter den kritischen Gesichtspunkt oder unter die Controle Kant's gestellt habe... Die kritische Identitätsphilosophie ist der Standpunkt, von dem aus ich das Problem der Logik begriffen habe“ (*Vorrede*, XV—XVI).

правъ, поэтому, Виндельбандъ, когда указываетъ Куно Фишеру въ исторіи своеобразное положеніе между Кантомъ и Гегелемъ, то-есть между началомъ и концомъ нѣмецкаго идеализма: „насколько глубоко“,—пишетъ Виндельбандъ,— „Куно Фишеръ, вмѣстѣ съ Гегелемъ, былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что въ философіи человѣческое мышленіе *должно стать* абсолютнымъ, настолько же энергично, съ другой стороны, вмѣстѣ съ Кантомъ, онъ настаиваетъ на томъ, что фактически такимъ оно никогда *не бываетъ и быть не можетъ*“¹⁾.

Итакъ, *фактическая относительность знанія, при стремленіи къ его абсолютности*: вотъ подлинная точка зрѣнія Куно Фишера.

При чтеніи его „Исторіи философіи“ кажется, будто онъ посмѣнно становится на точку зрѣнія каждой изъ возсоздаваемыхъ имъ философскихъ системъ, всецѣло раздѣляя взгляды ихъ создателей. И это понятно, разъ историкъ мысли, вдохновляясь Гегелемъ, хочетъ видѣть въ каждой системѣ какъ бы воплощеніе самой абсолютной истины, въ одномъ изъ ея существенныхъ моментовъ. Однако, при достаточномъ вниманіи, всегда можно убѣдиться, что, выставяя во всемъ блескъ, съ одному ему свойственнымъ искусствомъ, истинность той или другой системы, Куно Фишеръ, въ тоже время, всегда заботливо подчеркиваетъ и относительность выраженной въ ней истины, повсюду указывая въ системахъ самопротиворѣчивое, невыдержанное и недоговоренное,—подвергая всѣ ихъ, хотя обыкновенно очень краткой, но всегда тонкой и принципиальной, критикѣ.

Съ указанной точки зрѣнія, быть можетъ, мы всего легче подойдемъ къ пониманію того, почему въ своей „Исторіи новой философіи“ Куно Фишеръ останавливался на изученіи, главнымъ образомъ, *героевъ мысли*, то-есть философскихъ величинъ перваго порядка, мыслителей же второстепенныхъ вводилъ въ кругъ своего обозрѣнія лишь ради исторической перспективы, въ цѣляхъ констатированія *непрерывности* историко-философскаго процесса, поскольку гениальное проникало въ массы и здѣсь являлось ферментомъ „мыслящаго“ сознанія, оплотнѣвало и кристаллизовалось въ формѣ обще-

1) Windelband, *op. cit.*, s. 30.

принятыхъ философскихъ положеній, стимулируя, въ свою очередь, творчество новыхъ мыслителей, приходившихъ на смѣну старымъ.

Вѣдь, именно „герои мысли“ способны служить для историка философіи такого типа, какъ Куно Фишеръ, наиболѣе пригоднымъ экраномъ для разложенія всеединой истины въ рядъ отдѣльныхъ ея лучей, примиреніе же абсолютности общечеловѣческаго стремленія къ истинѣ съ фактической относительностію достигаемыхъ, на пути этого стремленія, результатовъ,—въ чемъ Куно Фишеръ былъ такой неподражаемый мастеръ, — способно дать наибольшей эстетической эффектъ и притомъ далеко не всегда насчетъ объективности возсоздаваемаго процесса, которая, если иногда и страдаетъ (не будемъ отрицать этого!), то, во всякомъ случаѣ, страдаетъ далеко не въ той степени, какъ это принято думать въ оппозиціонно настроенныхъ, по отношенію къ Гейдельбергскому профессору, кругахъ. Выборъ предмета, такимъ образомъ, опредѣлялся у Куно Фишера вѣрнымъ чутьемъ своей силы въ той именно сферѣ научнаго творчества, къ которой онъ тяготѣлъ какъ бы инстинктивно, безотчетно повинуваясь, — правда не имъ установленному, — закону наименьшей траты умственной энергіи.

У Куно Фишера, поскольку его историческій талантъ выразился въ его „Исторіи новой философіи“, есть, какъ я пытался намѣтить выше, свой научно-художественный стиль, свои приемы толкованія и обрисовки мыслителей, ихъ характеровъ и продуктовъ ихъ философскаго творчества, даже своя, такъ сказать, „манера письма“,—исторической композиціи, техники и т. д.

Конечно, кто ищетъ въ курсахъ исторіи философіи, прежде всего, точныхъ справокъ, кто хочетъ учиться инымъ приемамъ обработки историко-философскаго матеріала, кто, наприм., желаетъ ознакомиться съ методами историко-филологической критики источниковъ или войти въ духъ историко-философскаго прагматизма, а, тѣмъ болѣе, кто способенъ довольствоваться, вмѣсто подлинной, органически-возсоздаваемой исторіи мысли, механико-эклетической мозаикой фрагментовъ, „избранныхъ“ положеній философовъ, подбираемыхъ историкомъ всего чаще на свой личный вкусъ

и соотвѣтственно своимъ интимнымъ духовнымъ притяженіямъ,—тотъ не пойдетъ учиться къ Куно Фишеру, но будетъ искать для себя другихъ руководителей, между которыми найдутся, быть можетъ, и равные Куно Фишеру по размѣрамъ своего дарованія, по своему значенію и заслугамъ въ области историко-философской науки (въ родѣ, наприм., не менѣе знаменитаго Целлера!).

Но Гейдельбергскій профессоръ-историкъ всегда будетъ собирать,—увы! теперь уже не предъ своею кафедрою, а лишь вокругъ своихъ сочиненій!—обширную аудиторію изъ среды тѣхъ, для кого высшій интересъ, въ области мысли, представляетъ пониманіе ея внутренней жизни, воплощеніе преломленной чрезъ индивидуально-личное сознаніе отдѣльныхъ мыслителей-философовъ всеединой истины въ художественно-прекрасномъ человѣческомъ словѣ. Такіе, созвучно съ нимъ настроенные, ему „конгеніальные“, историки, всегда будутъ находить въ его твореніяхъ могучіе духовные импульсы для продолженія его дѣла въ томъ-же направленіи, для довершенія начатой имъ монументальной постройки въ томъ же стилѣ...

Въ этомъ смыслѣ „Исторія новой философіи“ Куно Фишера имѣетъ значеніе, воистину, неумирающее,—какъ художественно-прекрасный „нерукотворный“ памятникъ, воздвигнутый самому себѣ однимъ изъ „вѣчныхъ спутниковъ“ ищущаго истины человѣчества.

Алексѣй Введенскій.
